

Альбина АБСАЛЯМОВА
Тимур АЛДОШИН
Рустем АУБАКИРОВ
Наиля АХУНОВА
Николай БЕЛЯЕВ
Айрат БИК-БУЛАТОВ
Лоренс БЛИНОВ
Галина БУЛАТОВА
Нури БУРНАШ
Елена БУРУНДУКОВСКАЯ
Борис ВАЙНЕР

Лилия ГАЗИЗОВА
Вадим ГЕРШАНОВ
Наиль ИШМУХАМЕТОВ
Евгений КАЛАШНИКОВ
Алёна КАРИМОВА
Алексей КИРИЛЛОВ
Ангелина КУЗЬМИНЫХ
Глеб МИХАЛЁВ

Анна НЕВА
Денис ОСОКИН
Алексей ОСТУДИН
Полина ПАНТЕЛЕЙМОНОВА
Филипп ПИРАЕВ

СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ

КАЗАНСКИЙ
ОБЪЕКТИВ
2015

Артём РОДЬКИН
Анна РУСС
Рустем САБИРОВ
Рамиль САРЧИН
Константин СТРУКОВ
Рашид ТУХВАТУЛЛИН
Эдуард УЧАРОВ
Инесса ФА
Леонид ХОТИНОК
Евгений ЧЕПЕЛЕВ
Елена ЧЕСНОВА
Игорь ШИРШОВ

**КАЗАНСКИЙ
ОБЪЕКТИВ-2015**

Сборник стихотворений

Казань

2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К 14

Казанский объектив-2015: Сборник стихотворений /
Сост. Эдуард Уچارов; Ред. Галина Булатова. – Казань,
2015. – 80 с. (дизайн обложки Галина Царькова)

В сборник вошло 36 стихотворений, созданных тридцатью шестью казанскими поэтами, в основном, за 2015 год. Это мгновенный поэтический фотоснимок Казани в сочетании с мгновенным же комментированием – екатеринбургский поэт и критик Сергей Ивкин выдал 36 закадровых впечатлений-импровизаций. В качестве послесловия – ещё один взгляд на современную поэзию через «Казанский объектив» представлен Андреем Пермяковым.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Если на обычной фотоплёнке уместается 36 кадров, то на этих, совсем необычных светочувствительных скрижалях проявилось и зафиксировалось 36 уникальных оттисков поэтического слова, а значит, цель сборника – сделать мгновенный поэтический снимок литературной Казани – вполне достигнута.

Авторам было предложено прислать последнее на данный момент написанное стихотворение (в крайнем случае, произведение этого года), которое могло бы поместиться на страницу, и создать таким образом канонический свод казанских поэтических текстов – 2015. Идея была озвучена в социальных сетях и вызвала неподдельный интерес как со стороны пишущих, так и со стороны читающих. Сказано – сделано. Не претендуя на всеобъятность поэтического полотна, всё-таки полагаю, что довольно широкий поэтический пласт нашего города этим изданием вполне объективно представлен.

В дальнейшем возникла идея мгновенного комментирования казанских текстов известным поэтом и критиком из Екатеринбурга Сергеем Ивкиным. Его 36 закадровых впечатлений-импровизаций располагаются с правой стороны каждого разворота. В качестве послесловия ещё один взгляд на современную поэзию через «Казанский объектив» представлен Андреем Пермяковым.

Комбинаторика, восточные формы, силлабо-тоника, верлибр – всему нашлось место. От классической просодии до авангардной поэзии, от только ещё пробующих свои силы авторов до настоящих старожилов казанской поэзии.

Немного безумия, немного холодной отстранённости. Пафос и экспрессия, метафизика счастья и география утрат, очертанья казанских улиц и космос удивлённой стрекозы, тонкая лирическая нота бездетного крановщика и заболоцкая колыбельная. Магические кубики слов звонкой прорехой в стене отзываются в памяти и растворяются во всеочищающей дождевой воде. Это братство бересты. Это просто пространство разрешается тобой – у реки Свияги, за улицей Маяковского, на подступах к Ташёвке...

Можешь – живи! Читай – и будь. И никогда не задумывайся, какая работа происходит над тобой...

Эдуард Учаров

Альбина АБСАЛЯМОВА

Член Союза писателей РТ и Союза российских писателей. Лауреат премии «Триумф». Главный редактор журнала «Идель». Автор семи поэтических и историко-биографических книг, а также ряда выставочных проектов, реализованных в Музее-заповеднике «Казанский Кремль».

* * *

«Счастье похоже на Самарканд,
Или – на Марракеш».
Помнишь, контрольный – за четверть – диктант?
«Воздух прозрачен и свеж...»

Воздух прозрачен, как в классе седьмом,
Помнишь, столетие назад?
Мы на Островского, старенький дом,
Дети и сад-палисад.

Дети смеются, колонка, вода.
Помнишь, скамейка? Сидим.
Ты предлагаешь: «Давай в города?
Дели, Иерусалим».

Дели! Иркутск, Кишинёв, Воркута –
Помнишь, как ты говоришь:
«Встретимся завтра у школы с утра
И завоюем Париж?»

И завоюем! Сто тысяч надежд!..
Помнишь? А ну, перестань:
«Счастье похоже на Марракеш,
Ну и – чуть-чуть – на Казань».

Есть такой жанр в графике, когда в краске даётся ощущение необычно выцветшей фотографии, словно кадр искупали в радуге (или в бензиновой побежалости), отчего за краткой вспышкой потянулся шлейф-калейдоскоп иных историй, произошедших не с этими людьми, в другое время, возможно, ещё не наступившее, а то и в параллельном мире. Нечто подобное ощущается в тексте у Альбины. Традиция широка, можно пойти налево к Борису Рыжему:

*... А женщина, что не была со мной,
альбом откроет и закурит важно.
Она откроет голубой альбом,
где лица наши будущим согреты,
где живы мы, в альбоме голубом,
земная шваль: бандиты и поэты...*

можно направо к Зое Ященко:

*...Как будем жить? – волновалась кошка с распухшим ухом.
Потом зевнула и по карнизу ушла к соседям.
Уедем к чёрту! Куда-нибудь! Где тепло и сухо!
На Юг! В Австралию! Кошка знала, что не уедем...*

Но куда бы ни пошёл, приходишь к единственному «алефу» – тому, где ты находился изначально. Возможно, мы лишь затем и вспоминаем детство, чтобы в современном мире «прерванных связей времён» нарисовать волшебной кисточкой тот кругляшок на любой из измерительных линеек, где всё было по-настоящему, где мы все родились навсегда.

Тимур АЛДОШИН

Род. 31 марта 1961 года в Казани. Лауреат литературной премии имени А.М.Горького. Публиковался в журналах: «Новая Юность», «Октябрь»; антологии «Нестолычная литература». Совместно с Алексеем Кирилловым ведёт ЛитО «ARS-poetica» при КФУ.

* * *

Ничего не подскажет память.
Всё осыпалось, всё прошло.
Лето хрустнуло под ногами,
как мозаичное стекло.

Всё посыпалось, зазвенело,
полетело волчком в глаза...
А над летом ещё висела
изумлённая стрекоза.

* * *

Алые ангелы первого света,
здравствуйте! Весел ваш путь!
Этой зарёю кончается лето –
космос вселяется в грудь.

С каждым трепещущим взрывом дыханья,
с каждым последним глотком
ясная льдистая синь мирозданья
входит в меня целиком.

Скоро нахлынут морозные страсти,
станем под вьюгой дрожать...
Благодарю за короткое счастье
светлой звездой дышать.

Благодарю за наш сад, всё зелёный,
в летнее наше житьё,
в звонкое солнце и небо влюблённый,
чистый, как Сердце Твоё.

С одной стороны, в отличие от живописца, музыканта или кинематографиста, поэту ничего особенного не нужно: пишущий предмет и поверхность для записи. Технические достижения объединили оба предмета в один. И при этом, в отличие от других видов искусства, с поэта спрашивают больше всех. Потому что буквы так подгоняются друг к другу, что помимо традиционных визуальных и музыкальных приёмов, запускающих механизм вытягивающих эмоций, через «орган для шестого чувства» в наше сознание проецируются многомерные тактильные пространства. Нечто подобное можно найти у Виталия Кальпиди:

*Здесь над рекой в многоэтажной позе,
пока не наступает время гроз,
висит в неописуемом наркозе
сверкающее здание стрекоз.*

Те же нагромождённые до самого зенита бритвенные осколки. Но где у челябинского поэта ты можешь отступить в сторону – у казанского сбегать не получается: падает с небес расколошмаченное лето вокруг тебя, и сквозь тебя. Тимур Алдошин говорит от первого лица: он не рассказывает, а кричит, пророчествует, витийствует. Пока говорит – живой. И вся его жизнь (внешняя и внутренняя) через акт говорения цветёт и раскрывается перед нами.

Рустем АУБАКИРОВ

Родился и проживает в городе Казани. Учится в Казанском (Приволжском) Федеральном Университете на филологическом отделении. Дипломант Открытого фестиваля поэзии «Галактика любви» и городского конкурса поэзии и авторской песни «Песня, гитара и я».

* * *

Лечь бы в травы и заснуть,
И отклеить липкий путь,
Провалиться бы в болото,
Забывая, для кого ты,
Заблудиться бы в лесу,
Где деревья на весу
Не забвение несут,
А покой очарованный,
Погрузиться, словно в ванну,
В очищающий простор,
И впитать его раствор
Терпкий, солнечный, зелёный.
Оказаться как бы клоном
Самого себя до встречи,
Иссутившей мне плечи,
Раздвоившей сердце мне
На любимой стороне.
Превратиться бы в дорогу,
По которой ноги к богу
Сами тело приведут
В раесадовый уют.

Частушку, скоморошину, раёшник совершенно зря считают низовым планом культуры. В некотором роде юродивый на паперти равен священнослужителю в храме: оба сообщают о Спасении, оба принадлежат к одной системе оповещения о грядущем Царстве Божьем. Рустем Аубакиров не бороздит языковой космос, не щёлкает вербальным фотоаппаратом, а сосредоточенно удит свою рыбу из источника родовой памяти. И Дар его похож на цаплю из традиционного балаганного «Спора птиц и суда орла»:

*Прилетает чапля.
«Батюшка царь, буслави мене!
Я поличу ув монастырь спастись:
Я пиред Богом гряшна».
«Чем ты, чапля, гряшна?»
«Поставить мужик вершу,
Я сяду на вершу,
Которую рыбку потаскаю,
Которую распужаю.
Придеть наутро тресть,
Там ничаво нет».*

С такой птицей не дождёшься лёгкой добычи. Мучает Рустема его Дар, требует ночной засады у реки, долгого вглядывания в темноту. Из плеска тяжёлой воды, русалочьих голосов и дальней переключки Сирина и Алконоста складываются непритязательные песенки Рустема, такие лёгкие, до сведения с ума.

Наиля АХУНОВА

Родилась в Альметьевске, живёт в Казани. Пишет миниатюры, в последнее время предпочитает хайку и хайбуны. Основатель и руководитель ЛИТО «Белая ворона» с 1997 года. Организатор фестивалей и конкурсов: «Хайкумена-на-Волге», «Галактика любви» им. В. Тушновой, «Пересмешник», «Во весь голос» и др. Лауреат премий М.Горького и С.Сулеймановой, Межд. конкурса хайку в Москве и др. Засл. работник культуры РТ.

Тень кошки. Хайку

майский день
наполнен солнцем до краёв
бокал къянти

лунная ночь
скулит на кухне
забытый чайник

летний дождь
у фонтана
выходной

жизнь в больнице
течёт со скоростью
капельницы

луна
шмыгнула за угол
тень кошки

сметает с высоты
облако
строитель-таджик

В некотором роде использование иностранного поэтического приёма всегда имитация: бэкграунд не наработан, видны чисто декоративные детали. Необходимо настолько широкое вхождение чужеродной культуры в среду поэта, чтобы появилось оригинальное произведение, что порой и в возможность укоренения подобной традиции не верится. Впрочем, после Александра Ерёменко говорить о «русском хайку» можно, не опуская глаза:

*Жаркий полдень.
Бутылку вина
ворую в универсаме.*

Наиля Ахунова на первый взгляд выкладывает свои хайку, словно булочки на противень. Вот только мука, изюм и масло у неё не покупные. За этими стихотворениями видно, что для получения необходимых ингредиентов Наиля и среди виноградарей сама стояла, и колосья молола, и коров доила. Отношение к готовке сохраняется в итоговом вкусе стихотворения. Имитации – пластилиновые. Эти хайку – дышат.

Николай БЕЛЯЕВ

Поэт. Родился в 1937 году в Ярославле. Закончил КГУ, по профессии инженер-геолог-геофизик. Учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. Горького. Участвовал в геологических экспедициях в Иркутской области, Якутии, Туркмении, на Урале, в Татарстане. Работал журналистом в газете «Комсомолец Татарии», на Казанской республиканской телестудии, литературным консультантом в союзе писателей РТ. Основал и 20 лет руководил поэтической студией ARS-poetica в КГУ. Член союза российских писателей.

* * *

Жизнь идёт, идёт, идёт, прёт, не зная броду,
через поздний ледоход и большую воду.
Через реки и леса, птичьи перебранки,
волчьи жёлтые глаза, консервные банки.
через хвори и хвою, ямы да ухабы,
поминанья – мать твою! – ободриться дабы!
Через гимны в честь любви, через славословья,
через вечный бунт в крови, бешенство коровье...
Сквозь войну и тишину, скорби и раздумья,
сквозь всеобщую вину, общее безумье...
Жизнь идёт, идёт, идёт, как обычно, значит,ся,
из последних сил – вперёд! тащится, корячится...
Жизнь – не сказка и не мёд, бормотень бессвязная...
Жизнь иначе не может! Это верно сказано.

Регулярный стих в своей повторяемости и закольцованности порой ради одного «выворота» письма наматывает какие-то невероятные «километры» подготовки читателя к авторскому «откровению», которое вполне может оказаться и «пшиком». С верлибром, особенно минималистическим, как-то всё проще. Видно, где автор говорит, кому отвечает. Но зато регулярный стих по своей структуре способен создавать «ткань общности». Тогда так хайку или удетерон сохраняют лишь «частный случай». Именно в регулярных текстах нам и сохранены панорамы «Бородинских битв». Для молодой русской поэзии (а это именно так, ей всего-то 250-300 лет) наиболее эпохальной сагой стала поэма «Василий Тёркин». Возможно, герой с гармошкой (прямой наследницей немецкого органа) существовал и раньше, но у Твардовского этот образ доведён до абсолюта:

Только взял боец трёхрядку, / Сразу видно – гармонист.
Для начала, для порядку / Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский / Вдруг завёл, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской / Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой, / Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало / На дороге фронтовой.

И выйти из-под обаяния такого персонажа крайне тяжело. И взрываются снаряды той войны снова и снова. Вот и в стихотворение Николая Беляева осколок этого «фугаса» попал.

Айрат БИК-БУЛАТОВ

Родился в 1980 г. Поэт, журналист, кандидат филологических наук, доцент каф. журналистики КФУ, лауреат всероссийских телевизионных фестивалей. Поэтические выступления проходили в Казани, Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, а также в Париже, Белграде, Праге. По поэмам ставились спектакли. Участвовал в фестивалях и организовывал свои, вёл студию и театр поэтов. Публиковался в журналах. Последняя по времени публикация – журнал «Плавучие мосты» (сент, 2015).

* * *

Ночь сказочна. Страшна. И странна.
Гостиница. Скулёж щенка.
Блестит бесстыже башня крана
Бездетного крановщика.

Стрела же крана звёзды нижет
На небеса, что то стило
Господне. И щека неслышно
Дрожит, впечатавшись в стекло
Простое. И живут на крыше
Гостиничной два смельчака,
Два так и не рождённых сына
Бездетного крановщика.

Смотрю на них. На две всего лишь
Свечные точки в глубине.
Молчу. И ты молчишь. И смотришь.
И это тоже снится мне.

Огюст Ренуар повторял: «Человеку нужен другой человек». Все наши метания и поиски посвящены встрече и опознаванию именно нашего человека. И чем дольше мы ищем, тем больше мы накручиваем, ждём величественного знака, подобного блоковскому «Предчувствую тебя. Года проходят мимо». Или, как у Айрата Бик-Булатова, другой человек дробится на множество людей, которые стягиваются вокруг него: если появился «брат», то должен возникнуть и общий «отец», имеющий «небесное происхождение», или хотя бы приближённый к небу, как крановщик. Такие вещи заложены в общем мифе: всё земное случайно и тленно, а любовь и понимание возвышенны. У Ольги Чикиной в песне «Лётчица»:

*Высоко над Землёю летит самолёт,
В самолёте девушка-лётчица,
И не видит никто ни коленок её,
Ни волос её, ни её лица.
А она видит белые в небе цветы,
А такие цветы можно видеть любя,
А под ними всегда только ты, только ты,
Она любит тебя, она любит тебя.
<...> Ты глядишь, как в опасной ночной тишине
В телевизоре скачет культурный враг,
Но пульсирует красная точка в окне,
Что-то есть ещё, что-то здесь не так,
Кто так носится там у тебя за плечом?
Кто-то рвёт это прочное небо, любя,
Так прекрасно на свете и так горячо
Она любит тебя, она любит тебя.*

Потому каждый раз и необходимо подняться на крышу. А для этого и выстраиваем домики стихотворений.

Лоренс БЛИНОВ

Род. в 1936 г. Композитор, философ, поэт, педагог. Доктор философии. Академик «Universal Academy of sciences, fine arts, culture». Основатель и руководитель казанского андеграундного поэтического объединения «ПоСоХ» (Поэтическое Сообщество им. В. Хлебникова, 1973-1985 г.). Автор книг стихов «Наведение мостов», М., 2005; «Три мира», М., 2007.

Триптих (Осенний)

1.

Очинен яд трубы велиен
ночиен сон из молний лет,
приятен вид деянных линий
и прямоловен истовед

изга! изга! – горело слово
и слава высилась из Я
изъяном «вы» теснилась нова
небесней правила стезя.

2.

Он умел рисовать
неизбежностью лет
неизвестность побед
проступала проста

и когда красота
просыпалась вослед
вновь теснились усталые
грёзы холста.

3.

Прямо с голубову неба
прядал маленький снежок
мы гадали: быть иль небыль
озираясь окружо

озерко ещё не льдисто
и карась – не приторел
светень пролесью цветистой
к зимней не сведён поре.

Самые верные наследники те, кто внешне не похожи, а всё равно – родные. Так для меня знамя бюджетлянства подняло ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз); и в Сапгире, и в Парщикове футуризм развернулся в новые пространства. Потому что для права называться «учеником» надо преодолеть учителя. Вот Алексей Парщиков развивает темы Хлебниковских идолов в метафорах шахматных королей:

*Ледяной не спешит и не играет соло, –
с ним вся Пифагорова школа,*

*женщина в самоцветах, словно Урал,
им посажена в зал,*

*он ловит пущенный ею флюид
и делает ход, принимая вид*

*тщательности абсолюта. Блеск
ногтей. Рокировка. Мозг.*

*У противника аура стянута к животу,
он подобен складному зонту,*

*а мой избранник – радиоволна,
глубина мира – его длина.*

Лоренс Блинов словно слушает Председателя Земшара напрямую, и у нас появляется ощущение, что через Лоренса мы различаем всегдаживого Велимира.

Галина БУЛАТОВА (Казань – Тольятти)

Окончила КГИК. Книги стихов «Философия розы» (Казань, 2012), «Счастливое время» (Казань, 2014) и др. Поэт, переводчик, редактор-составитель книг. Организатор и куратор поэтического турнира «ПТИЦА» (с 2013 г). Победитель международного поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015).

Дойдя до точки невозврата

О, одиночество привата,
Луновеликая жена,
Я чем-то очень виновата
И вряд ли буду прощена.

Солнцеподобные рычали,
Луновеликие несли,
За бесприютными плечами
С щеки взлетали журавли...

Но я была другому рада:
Дрожанью шины под ногой,
Цветным огням Димитровграда,
Строке, гудящей и тугой,

И в раме лужи привокзальной
Автопортрету фонаря,
И сбившемся под Казанью
Сердцебиенью октября.

Дойдя до точки невозврата,
Пространство разрешилось мной,
Той, что прекрасно виновата
Своей немислимой виной.

От всех стихотворений Галины Булатовой, которые мне посчастливилось услышать и прочесть, веет лёгкостью и хрупкостью, словно она не живой человек, а бумажная птица, бьющаяся на ветру. Нечто подобное я слышал в песнях Веры Матвеевой:

*Но снова, снег взметнув за лыжами,
в тебя зима плеснёт любовью;
и снова, на дорогу глядячи,
ослепнет маленькая Сольвейг...
Отпавший лист, трава увядшая
подарят жизнь побегам новым,
а ты, Пер Гюнт, что людям дашь ты? –
То песни Сольвейг, песни Сольвейг...*

В стихах Галины Булатовой нет ярко выраженной боли, она весела там, где впору схватиться за голову, и потому эта бумажная птица умудряется пройти сквозь бурю, выворачивающую деревья. Поэзия – сообщение о невероятном, но случившемся.

Нури БУРНАШ (наст. имя Искандер АБДУЛЛИН)

Поэт. Род. в 1975 г. в Казани. Окончил филфак КГУ, ст. преподаватель истории русской литературы и русского языка Казанской консерватории. Возглавлял литературно-философское общество «Altera parsъ» при КГУ (1993-2000), творческий союз «Колесо» (2001-2009). Публиковался в журналах «ШАНХАЙ-ОПЕРА», «Дети Ра», «Сибирские огни», «Футурум Арт». Автор книг стихов «Двадцать одно» (Казань, 1997), «Графика» (Казань, 2009.) Член Союза российских писателей. Лауреат газеты «Поэтоград» (2013).

* * *

Если время потерь именуется зрелостью боже
объясни, почему этот день так бессмысленно прожит,
до секунды прожжён, словно скатерть у нас на веранде,
где вчера мы всю ночь говорили о гей-пропаганде –
так, как будто бы в ней вся беда и для полного воздухом слова
не нашлось и уже никогда не найдётся предмета иного.
Будто с той стороны, что бывает у каждой медали,
шли часы вдоль стены, но потом невзначай перестали.
Посреди циферблата нелепые стрелки, как крылья
невзлетевшей капустницы в трепетной дрожи застыли.
Кофе пролит на стол, но висит в пустоте каждой каплей
в тусклом свете вбирая моё отражение, не так ли?
Поворот головы получается незавершённым –
и тогда мы правы, как позволено только влюблённым.
И бессмысленный спор, и коньяк нами всею початый,
да и этот потерянный день – всего-навсего утро утраты.

В некотором роде все стихотворения о жизни в городе для меня промаркированы дидуровским «Блюзом о виденье»:

*Время движется мерно и целит спокойно и верно,
И в столовке Юдифь подаёт мне мозги Олоферна...*

Совершенно не обязательно, что этот текст известен Нури Бурнашу, иначе можно на поэта повесить и Гребенщикова, и добрую половину русского рока. Просто есть особые состояния, за которыми закреплена крайне узкая сема*. И вошедший в эту сему автор снова и снова пишет один и тот же хит, в котором есть «немного смерти и немного любви», за который даже эрудированному слушателю охота исполнителя «обнять и плакать».

Нури Бурнаш – творец состояний. Нури не рассказывает истории, а хватает своего читателя за шкуру и, словно опытный Альбус Дамблдор, засовывает его в чан с водой, под которой новоявленный Гарри Поттер получает свою неожиданную эмоцию.

Сема узкая, набор маркеров один и тот же, но выводы каждый стряхивает с глаз свои.

* Сема – это одно из базовых поэтических понятий. Набор слов, объединённых общей ассоциацией, эмоцией, идеей. Например, «Сема воды» или «Сема разлуки».

Елена БУРУНДУКОВСКАЯ

Поэт, музыкант. Родилась и живёт в Казани. Окончила Казанскую консерваторию по классам фортепиано и органа, аспирантуру Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (Москва). С 1990 по 1994 гг. изучала старинную западноевропейскую музыку и обучалась игре на клавесине на мастер-классах в Италии у профессоров Л. Ф. Тальявини, К. Стрембриджа.

На ветрах

Ничего не имеет значенья.
Ветер слов пробирает насквозь.
От бессонницы нет излеченья.
Только жизнь, только смерть на авось.

Только дробь валерьяновых капель.
Октября нутряное тряпье.
Так снимают с кустарников скальпы.
Так прицепится старость репьем.

Не найти мирозданья пружину
Заводную за мутным стеклом.
Солнце в тестовом греет режиме,
Об желток разбивая тефлон.

Осень, осень, картавая птица.
Кистепёрой рябины ожог.
Хорохорится всё, молодится
От ударов судьбы на прыжок.

Всё мгновенно меняется в лицах.
В небесах поселяется хворь
Только необязательный длится
Бессловесный с собой разговор.

Стихотворения Елены

Бурундуковской словно бы записаны поверх нотного стана. Над буквами этих стихотворений просятся значки указания длительности, штрихи, паузы, музыкальные ключи. Возможно, так мог записывать свои строки Борис Пастернак:

*Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.*

Можно читать вслух и не задумываться над смыслом — абсолютная музыка. Из другого времени, о других вещах. Слова нам только нечто подсказывают, а слушаем то, что находится за ними. Более важное, внесмысловое.

Борис ВАЙНЕР

Родился на Курилах, детство провёл в Бугульме, живёт в Казани. Пишет стихи и сказки, переводит с английского и татарского. Автор многих книг, преимущественно детских, а также песен (включая музыку). Заслуженный деятель искусств Татарстана.

Колыбельная плюс

Темнота колдует в детской,
У кровати ходит сон.
Над последней эсэмэской
Сам собой уснул айфон,
У модема – передышка,
Спит процессор, как сурок,
Спит без лапок задних мышка,
Засыпай и ты, дружок.

Засыпай, малыш, не мешкай:
Спит командная строка,
Спит заслуженная фпэшка
На неполных два гига,
Байты спят и килобайты,
Дремлют «Энтер» и «Делит»,
Ни на файлы, ни на сайты
Монитор и не глядит.

Молчалива, как папирус,
Звуковая плата спит,
Только где-то антивирус
Колотушкою стучит.
Засыпай скорей, мой сладкий,
Под неслышный этот стук.
Будет утром всё в порядке –
И планшет, и ноутбук.

Существуют вечные темы, которые раз за разом прописываются заново, с учётом предыдущих текстов, но из нынешней языковой или бытовой ситуации. Ода «Воздвиг я памятник», например, начатая Горацием, продолжена в русской культуре Державиным, истреплена Пушкиным и добита Бродским... Что-то подобное вышло и с «Колыбельной» Николая Заболоцкого, главной особенностью которой было размывание границ сна и реальности через размывание понятийных норм:

*Меркнут знаки Зодиака / Над постройками села,
Спит животное Собака, / Дремлет рыба Камбала,
Колотушка тук-тук-тук, / Спит животное Паук...*

Сергей Назин в своей «Колыбельной» иронизирует по поводу страшного мира 90-х, но на самом деле выбрасывает всё страшное в область сказки, показывая повседневность как детскую игру, от которой стоит отдохнуть:

*Баю-баюшки бай-бай, / В сон стучится триллер,
Спи, сынок, не забывай, / Что твой папа киллер.
Пистолетик под бочок – / И – спокойной ночи,
Придёт серенький волчок – / Мы его замочим.*

Борис Вайнер пробует размыть границы реальности и виртуальности, подчёркивая, что сны становятся всё более материальными, механистическими. Самыми ценными в мире малыша становятся не мама с папой, не солнце и небо, а планшет и ноутбук. И улыбка Бориса Вайнера печальна.

Лилия ГАЗИЗОВА

Окончила Казанский медицинский институт и Московский Литературный институт имени А. М. Горького (1996), училась в аспирантуре Института мировой литературы РАН. Публиковалась в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Арион», «Интерпоэзия», «Современная поэзия», «Крещатик», «Зинзивер» и др. Автор нескольких сборников поэзии, последний по времени – «Касабланка», Воймега, Москва, 2015. Лауреат нескольких литературных премий. Организатор Международного поэтического фестиваля имени Н. Лобачевского (Казань, с 2011-го года) и Международного Хлебниковского фестиваля ЛАДОМИР (Казань-Елабуга, с 2012-го года).

Позвони неожиданно.
Чтобы я выронила чашку из рук,
Чтоб рухнул мир,
Который я старательно
Кирпичик за кирпичиком.
Позвони неожиданно,
Чтобы картина на стене
Покачнулась.
Чтобы всё – по-другому.
Чтобы жизнь – кувырком.
Чтобы я очнулась,
Наконец,
От сна.

Наверное, самый важный для меня приём в современной поэзии: считываемый эллипсис. Когда стихотворение становится тессерой – половиной монетки, по которой узнают «своего», обладающего второй половиной знания, доступа, возможностей. Предполагается, что стихотворение – речь среди близких, среди изначально понимающих. Так построено большинство текстов у Натальи Стародубцевой:

*я тебя напишу
это и есть итог
я у тебя дышу
воздуха взяв в долг*

*ты говори ври
ты обещаешь да
быть у меня в три
стало быть никогда*

Лилия Газизова увидела красоту пауз, недоговорок. Снимания тех слов, что понятны «по умолчанию». У Лилии появляется «красота молчания» в стихотворении, но выучка требует оглядки на читателя. Так хочется развести ладони, чтобы чашка между ними повисла в воздухе. Но все *вокругсмотрящие* помнят про гравитацию. И наблюдатели меняют законы наблюдаемого мира. Чашка падает. И всегда разбивается. Но однажды... Однажды она зависнет.

Вадим ГЕРШАНОВ

Родился в 1964 году и на дату публикации прожил полвека с годом. Старую свою профессию автор почти забыл, а новую не вспомнил. В поэзии одной русскоязычной страны текстокомбинатор занимает своё место – не чужое, но достаточно маргинальное. Широким массам поэт неизвестен.

Полиомограмма

Нева, шатай нас и не вой!
Не ваша тайна синевой –
Нева – мгла голимая, вихри пения
Не вам глаголим, а яви хрипения –
Не сласти химерные,
Несла стихи мерные
Нева – мглу бить мыслила,
Не вам глуби тьмы слила...

Читая полиомогаммы, понимаешь, что здесь проделана нереальная работа, у автора тончайший слух, точёный вкус, феноменальный ангар памяти. С другой стороны, автора как мучающегося индивида как бы и нет, он собирает слово «Вечность» из заранее выданных Снежной Королевой кристаллов. Таких людей автоматически подозреваешь в бездушии, ищешь в их глазу иголочку от «зеркала троллей».

Дмитрий Авалиани у меня случился раньше, потому за текстом Вадима Гершанова я вижу простенькое авалианинское двустишие:

*Не бомжи вы –
Небом живы.*

Но из листа, который обронил странствующий фокусник на край дороги, усердный земледелец вырастил прекрасный сад. В получившуюся красоту войдёшь и заслушаешься.

Наиль ИШМУХАМЕТОВ

Родился в Магнитогорске в 1964 году, поэт, прозаик, переводчик татарской поэзии, прозы и драматургии, автор книги «В поисках Неба», Таткнигоиздат, 2014 год. Лауреат всероссийской литературной премии «Родная речь» (г. Воронеж) и ряда республиканских премий, член Союза писателей РТ.

* * *

сын земной, отец небесный,
где-то между – дух святой,
трёх сердец полёт над бездной,
свинг причудливо витой.

вран карающий на троне
рушит катеты родства,
но вельможий перст не тронет
треугольник божества,

если души триедины,
если братства береста
крепче водянистой тины
типографского листа

Очень долго меня учили тому, что стихотворение должно придерживаться одной семы. Это подрезает избыточную трактовку определённых слов. Но мне самому всегда нравились такие «растопыренные тексты», где смыслы разбегаются настолько далеко, что не только читателю – автору они неподконтрольны. Например, у Александра Петрушкина:

*Голову ангела в вёдрах несу –
словно соломенный ломоть отцу,
как неродному пернатому дядьке,
как с языка ошалевшего – взятки,
осень, что женщина улицы вдоль –
в львиное блюдо над головой*

Наиль Ишмухаметов в какой-то мере пользуется «растопырками» смыслов, чтобы показать многомерность ассоциативных рядов, многослойность нашего восприятия. Вроде бы проходной текст на библейскую тему, но упомянутый в первой строфе жанр американской музыки, связанный с определённым визуальным рядом, превращает иконописный треугольник сначала в масонскую пирамиду с долларовой купюры, а потом и в женский пах, чтобы провести между между русалочьим плясом профессиональной литературы и стоическим бытованием *непозванных ко столу*. Стоит такой растрёпанный хиппи под окном и подпевает доносящейся из форточки мелодии.

Евгений КАЛАШНИКОВ

Родился в 1985 году, Кюрдамир (Азербайджан). Поэт из Стерлитамака. С 2003 года живет в Казани. Входил в ОПГ ОМП. Последние годы пишет мало, но лучше, чем раньше. Пьет умеренно, спит невозбранно.

* * *

Города меняют метадон и гексоген
Провода ведут за тёмные аллеи
Расскажи зачем в кармане ножик и безмен
Спрячь лицо, включи кассетный плеер
Город – злая сила, он в себе несёт
Поражающий заряд дворов и скверов
На стене написано: Не бойся, я – Басё.
Допиши: Сдаётся номер в Англетере.
Птицы, тротуары, пешеходы и мосты
Изгибаются, приобретают импульс.
Сила тяжести мощнее красоты.
Поменялось всё. Ничто не изменилось.
Тусклый свет оранжевый заводов, фонарей,
Морок абажуров, окон, кухонь
Заставляют ёжиться в промозглом сентябре
Этот город просит оплеухи.

Аристотель, рассуждавший о риторической выразительности языковых средств, советовал ораторам «придавать языку характер иноземного, так как люди склонны удивляться тому, что приходит издалека». Потому что в поэзии и красноречии востребована новизна. С конца 80-х в русский язык вошло столько заимствованных слов, что появлялись опасения: изначальный скелет речи под ними хрустнет. Однако обошлось. Для пришедшего поколения западная пена осела, а экзотикой по-прежнему остался восток, с его любимой русскими поэтами, троицей: Басё, Ли Бо и Ду Фу. Они все, кстати, взаимозаменяемы, потому что никто ни их стихов, ни биографий не помнит. Разве что Ли Бо отличился, выпив на брудершафт с отражением Луны в озере. И утонул. У Елены Оболенской Ли Бо соединяется с другим восточным поэтом, напротив, по воде ходить умевшим:

*Ли Бо вернулся либо это боль / ходила по воде ко мне спиной
и реки были долгой тишиною / Ли Бо вернулся чтобы стать
одной
там где дожди у Бога в рукавах / он видел он шептал они
отвесны
и что-то странное об островах / и детстве*

Для Евгения Калашникова «экзотизмы» – не приём, Евгений существует внутри этой новоязовой «пены». Однако с той стороны слов ничего не меняется: «Страшные города» – это состояние, присущее русской литературе вообще. Обязательный маркер. И чем черней города на бумаге, тем легче читателю выходить под настоящее «тусклое солнышко» из построенного на словах «вертепа». Закрываешь «табакерку» и стоишь на балконе, моргаешь и дышишь.

Алёна КАРИМОВА

Поэт, переводчик. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность» и др. Автор книг «Другое платье» (ТКИ, 2006) и «Холодно-Горячо» (ТКИ, 2015), лауреат литературной премии им. Горького (2007). Руководитель ЛитО имени Марка Зарецкого при музее Горького в Казани. Заместитель главного редактора журнала «Идель». Член СП РТ, СРП, Татарского ПЕН-центра.

* * *

Человек вырастает —
вот горькая правда вся.
Он меняет кожу
и не узнаёт своих.
Примеряет: Путь, Провиденье,
Судьба, Стезя...
всё бросает, идёт и находит
высот иных.

С человеком рядом
не так уж и хорошо,
но когда случается дождь
и снаружи — тьма,
у окна волнуешься молча:
Куда ушёл?
Не иначе милый
сошёл невзначай с ума.

А потом вырастаешь тоже
и глядя вслед,
удивляешься даже:
диговинные следы...
Ничего такого,
совсем ничего в них нет
кроме разве холодной той
дождевой воды.

Гумилёвское

*Только змеи сбрасывают кожи,
<...>*

Мы меняем души, не тела –

не даёт покоя последующим поколениям. Кожу менять всё-таки необходимо, чтобы сохранить неизменной душу. Жертвуешь чем-то одним. Светлое и виноватое стихотворение Алёны Каримовой, тем не менее, не о переменах, а неизменности, которую необходимо покинуть. О том, чтобы стать собой, чтобы понять себя, необходимо уйти от всех, кто «не ты». О вечном поиске «негеографических земляков», по Сэлинджеру, по Духу. О метафизическом одиночестве, в котором человеку себя мало, а с другим кем – тесно. И дождь здесь – не слёзы, а «Матрица», падающие по монитору столбики информации. Надо вынуть штекер из головы. И Алёна уже знает, «зачем» ей нужно его выдернуть, но пока не знает «как». За ответами и уходит.

Алексей КИРИЛЛОВ

Род. (1964) в Казани, вырос в Сухуми. Окончил юридический факультет Казанского государственного университета. Работает по специальности. Публиковался в журналах «День и ночь», «Идель», «Казанский альманах», «Квадратное колесо». Любитель путешествий. Увлекается живописью. Совместно с Тимуром Алдошиным ведёт ЛитО «ARS-poetica» при КФУ.

* * *

Характерно, более чем странно,
Велика родимая страна,
Гоголев вернулся с Путорана,
Ты поплачь от радости, жена.

С радости не то, что от печали.
Радость сердце лечит, молодит.
Хорошо, чтобы тебя встречали
В окончанье трудного пути.

Не принципиально, что большого
С риском для спасения души.
Важно для неё любое слово
Первым прозвучавшее в тиши.

Нам же в эту пятницу осталось:
Взять сосиски, вызвонить мотор,
Отогнать привычную усталость,
Оседлать вечерний «Метеор»,

Засветло добраться до Ташёвки,
Просто отодвинув все дела,
Только бы московская грушовка,
В Волгу урожай не растрясла.

У кого хрусталик не нарушен,
И отсюда видит ваш Таймыр.
Главное не страшен, и не скушен
Нам ни тот ни этот самый мир.

Есть такой специальный подвыпивший типаж, которому всё в этой жизни понятно, у него есть ответы на всё. Среди пишущей братии он встречается не часто, но забредает и к нам. Стареющий юноша с початой бутылочкой в левой ладони. А правой он активно жестикулирует. С непривычки эти «кликуши» раздражают, но вскоре к ним привыкаешь и уже умиляешься. Таков лирический персонаж стихотворения Алексея Кириллова. Но поскольку перед нами не «милицанер», а «Венечка Ерофеев», то – есть у него своя скрытая тоска. Например, в стихотворении Данилы Давыдова:

*Отвечаю на ваше письмо. Никак не могу
Собраться и приехать. А надо бы собраться
И приехать, вот соберусь и приеду.
Нет ничего, что могло бы мне помешать.
Ветры утихли, дожди перестали литься,
Огонь небесный далече. Соберусь и приеду.
Пойду на Ярославский вокзал, чтобы купить билет.
Передавайте привет и т. д. Помечено
Двадцать шестым числом, подпись не разобрать.*

Потому пусть «гусарит». А с нас за пригляд денег не берут. Мы в сторонке полюбуемся.

Ангелина КУЗЬМИНЫХ (Казань – Москва)

Окончила филологический факультет КГУ. Имеет ряд публикаций, участник поэтических фестивалей и литературных объединений.

Казанское

где хрупкий эдиссон в окне мигает каждый вечер
и весть через плечо кидает пьяный человек,
там мой подъезд, там люди, наверное, мои соседи
по своим квартиркам разошлись как спящие медведи.

а утром ранним в трамвай вползают шатунами. Ждут
остановки. Вот так тревожно свои билеты мнут
и ждут. Кондуктор-ангел кому-то шепчет: «Не дрейфь, малыш!
через минуту выходи – твоя родная тукталыш»

выходят все и в катышках асфальт – давно не убран
идут, как бы в трясине утопая – никто не умер .
а на заборах имена кому-то шлют привет-привет
и луковки церковные смеются, дарят дарят свет.

Традиционное

*Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому ещё ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадёшь? –*

у Ангелины Кузьминых решается через предельную детализацию пейзажа. Люди ей не важны: людей в покинутом когда-то городе не осталось. Возвращаешься именно к городу, разговариваешь именно с Ангелом Места. Когда-то Иосиф Александрович проговорил, что стихи – единственная возможность отблагодарить сам город, поговорить с одушевлённым гигантом. И тогда гигант уменьшается до размеров человека, смотрит на него со стороны, принимает беседу. Вот, например, кондуктором в ночном трамвае, идущем в депо.

Глеб МИХАЛЁВ

Родился в Юрге, вырос в Новочебоксарске, живёт в Казани. В конце 80-х, начале 90-х был участником различных литобъединений, публиковался в периодике, коллективных сборниках. В сети с начала 00-х.

* * *

...и вот когда уже ходишь никого не любя да и сам собсно никому не нужен пространство понемногу перетекает в тебя и внутри становится более чем снаружи более света и тьмы пива и консервированных сардин и отпрысков рода человеческого со всеми его коленами... да умираешь-то вовсе не от того что совсем один а просто сам превращаешься во вселенную

Свободная запись регулярного стиха – не обманка автора, а попытка вывести высказывание из рамок литературы в речь обыденную, почти естественную. Текст Глеба Михалёва похож на долгий и болезненный выдох, после которого машут рукой и с матерком уходят прочь. Потому что у говорящего есть своя «истина», которую не поняли. Если бы мы столкнулись не с поэзией, то так и было бы. Брошенные на ковёр слова. А стихи падать не умеют – они по воздуху плавают, на стенах горят, солнце над осаждённым городом останавливают. И оказывается, что приходящий-то ушёл не во гневе: приходил спросить, да сам ответ и понял. Ответ в вопросе содержался. Надо было только вслух произнести. Примерно о том же – Георгий Квантришвили:

*все ответы которые я хотел получить запоздали давным
давно / их злободневность потеряна в то самое время когда
начала выстраиваться / логика позволившая приступить к
изложению обоснованных выводов / этими постулатами
можно забивать гвозди – настолько они тверды и увесисты /
но тяжесть давно потеряла для меня свою
притягательность / всё что было легко – улетело точно
унесённое порывом интенсивного ветра. всё / что было
непреподъёмно – осталось далеко за спиной / все вопросы
стоившие стольких терзаний звучат несуразно словно
ощепки эха / язвительно и бесцельно выкладывающего из
фрагментов супрематическую / мозаику*

Русский верлибр – быстро растущий вундеркинд. Вся одежда ему мала. Всей родне он непонятен. Но им гордятся. И Глеб, не покидая ритмизированного пространства, тем не менее, на верлибр заглядывается.

Анна НЕВА (Казань – Санкт-Петербург)

Родилась в 1987 в Казани. Было несколько поэтико-музыкальных проектов с казанскими группами ЮСН, YaineYa, Naraĵiev Smokes Virginia. В 2011 г вышел сборник «Неисправен / неисправим», который в 2013-м был дополнен и переиздан. С 2014 года тексты переводит на английский Полли Гэннон, Ph.D. по русской литературе и славистике Корнелльского университета (США).

* * *

Ни одной сувенирной лавки,
Ни одного по ночам оконца
Не светится. Всё закрыто, закрыто, закрыто.
Только брошенные собаки,
Прикормленные торговцами
Ещё летом, когда было тепло и сыто.
Только шторм, когда кажется: море вот-вот
зайдёт прямо в тесный номер –
на первой линии только сегодня по суперцене двухместный –
застанет врасплох,
поставит меня на таймер, напомнит мне,
раскроет предельно честно,
До чего я крошечный,
в шарф укутанный, глиняный
человечек,
унесённый уральскими авиалиниями
в октябрьский вечер
Переждать кратковременные осадки
на обочине
В старом автомобиле
Или ночью
В одиночестве на причале.
До чего я разбитый, будто меня разбили.
До чего я игрушечный, будто меня сломали.

Есть вещи, выросшие, такое ощущение, из детских стишков про оставленные под дождём на лавочках игрушки, которые мы понимаем, только став взрослыми. Когда игрушками непонятно в чьих руках (людских, ангельских, Божественных?) становимся мы. Об этом пишет Янис Грантс:

*всё смыло. всё пропало. всё прошло.
и что теперь мне делать на земле?
идти под дождь? неистово курить?
просить простить? просить пустить назад?
всех ненавидеть? нежно всех любить?*

себя вручить кому-то наугад?

Об этом же состоянии бесхозности (потому что сам себе порой не хозяин) пишет и Анна Нева. Необходимо куда-то, к кому-то, зачем-то. Тяжело одному, с самим собой.

Денис ОСОКИН

Родился в 1977 году в Казани. Учился в Варшавском, а затем – Казанском университетах. Поэт, прозаик, сценарист. Публикации в журналах: «Знамя», «Октябрь», «Вавилон», «Воздух» и др. Литературные премии: «Звёздный билет», «Дебют», премия Андрея Белого, кинематографическая премия «Ника» и др.

грустновато быть дачником
уже потому что на даче
нельзя зимовать.
здесь живут круглый год
холодильник «свияга»
с женой свиягой-рекой
и трое их взрослых детей –
газовый баллон,
велосипед и кровать.
они живут хорошо.
все добрые, образованные.
жена постарше, муж помоложе.
зато холодильник старше меня
и велосипед тоже.
когда-то холодильник был женат
на моей матери,
потом они расстались друзьями –
и мама вышла за моего отца.
газовый баллон ещё юн
и всё время ал.
это потому что у меня
с его сестрой кроватью
затяжная любовь –
и он всё нечаянно увидал.
будем ложиться спать
или пока не будем?
наверно не будем, нет.

Самый главный персонаж почти во всех вещах Дениса, которые мне удалось прочесть, – Родина. Самая разнообразная, от самой скромной до самой пафосной и щемящей, как в песне у Трофима:

*Бабушкины сказки про Любовь и Отвагу,
Где Добро и Правда белый свет берегут.
Дедовы медали «За Берлин» и «За Прагу»
И весенний праздничный салют...
Знаю, что все вместе мы – Народ!
И счастье моё летит, и радость моя поёт.*

И заброшенные дачи – тоже Родина. Которой у меня не было. Но которую я знаю. Хотя бы через вот это стихотворение. Увиденное через чужие стихи – принадлежит реальному опыту.

Алексей ОСТУДИН

Родился в 1962. Живёт в Казани. Закончил филфак КГУ и ВЛК при литинституте им. Горького. Публикации в «Новом мире», «Октябре», «Смене», «Урале», «ШО» и др. Семь книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы и Казани, в том числе книга: «Эффект красных глаз» 2011 (Волошинская премия «Лучшая книга года» 2012). Лауреат премии «Геннадия Григорьева» (Санкт-Петербург) 2012.

Е-мейл на рассвете

Упоротую сетку, не спеша –
пока неясно, кто кого нащупал –
распутывает ветер в камышах
и замирает, наступив на щуку.

У стрекозы алмазный стеклорез
и гордое пчело без тени страха,
зелёным боком выкатился лес –
антоновка, протёртая рубахой.

Оса координат жужжит по ком,
не прерывая функцию предела?
Когда застрянет в горле нежный «ом»,
любовьморковь печатай без пробела.

Нас, что в деревню выбрались вдвоём,
не заклюёт ревнивый голубь мира.
Давай, на счастье, садик разобьём,
чтоб рвал малину дождь, идущий мимо.

Пиши твоянавеки без тире –
вот монумент невинностидобрака.
Пусть думает собака в конуре:
как тесен мир, однако!

Стихотворение Алексея Остудина напоминает музыку, исполненную на хрустальных бокалах. Режет слух, набор звуков мнится ограниченным, но как он красив в итоге. Тяжело находиться внутри возвышенного скрипа, но в памяти приглушив, возвращаешься к стихотворению снова. Мир у Алексея широкий и подробный, как обещание эпоса. Что-то такое «гомеровское» встречается в больших текстах Евгения Туренко. Начало «Январской саги»:

*Не верблюжьей тропой бечевой канителится путь,
а бетонкою стелет, литой цепенеет бетон.
Не приспела пора, а уже ничего не вернуть...*

*Вот полягут поля, и возденет клинки эскадрон,
обратясь никуда, и сухая рассеется кровь,
невесомая соль безымянных ветров и времён.*

*Ты теперь позабуди меня, слышишь, и не прекословь,
потому что здесь блажь на корню и больная земля.
Пусть научат тебя, будто любвеобразна любовь.*

И хотя при чтении кажется, что кости внутри автора растут быстрее, чем мышцы и кожа их покрывающие, остаётся послевкусие, что с метаморфозой стремительного разрастания Алексей справился, и метареалистическое описание перешло в метареалистическое проживание. Сразу же «за кадром».

Полина ПАНТЕЛЕЙМОНОВА

Студентка КГМУ, участник казанских поэтических слэмов, призёр конкурса «Узнай поэта» в номинации «Иная речь» 2014 года, печаталась в альманахе фестиваля «Ладомир» им. Хлебникова, журнале «Идель», лонг-лист премии Дебют-2014. Боится очередей, общественного транспорта и грязных рук. Злоупотребляет едой, парфюмом и вниманием. Любит зиму, удобную обувь и колючий подбородок.

* * *

В моей плазме спирта больше, чем альбумина,
Редактируй, что пишешь пьяным, когда-нибудь.
Мы зачем-то в тот день ходили смотреть картины,
Убегавшее время теряя на эту муть.
Нам казалось, что счастье и молодость – две константы,
Что меняется только пейзаж за глухим окном.
Нам хотелось бы выжить, истошно читая мантры,
Ты шептал моё имя, оно превращалось в «омммм».
Поцелуй испарялся, не оставляя влаги.
Сорок градусов в чашке. С экрана орёт Шахрин.
У людей в пиджаках рассыхается мозг, и бумаги
С двухколёсной квадригой уходят на анальгин.
Сорок градусов в воздухе. Улица в поисках тени.
Из кармана просыпались честь, сигареты, рубли.
Почему-то для близости мир отсыпает мгновений,
Для тоски расстелив восемьсот километров земли.

Невероятное количество деталей и подробностей часто даётся автором только для того, чтобы показать, насколько они не важны. Важны вещи, для которых и слова-то точные не всегда есть. Пользуемся общественными «суррогатами» или находим определения против привычного языка, как в песне у Елены Бушуевой:

*Тобой, таким ненастоящим,
Я так и быть переболею.
Не вспоминай меня почаще,
Не приезжай ко мне скорее.*

Полина разгадала этот секрет японских мастеров графики: белая хризантема на белом листе бумаги рисуется за счёт затемнения абриса за границей её лепестков. Самое важное – то, что не нарисовано, не прописано, не произнесено.

Филипп ПИРАЕВ

Поэт, прозаик, чемпион РТ и г. Казани по шахматам, автор перевода гимна республики Татарстан на русский язык. Член редколлегии литературного издания «Казанский альманах». Книга стихов «Угол взлёта», Казань, 2015.

Старогоднее

Флюоресцирующий сон
коловращающейся ночи
прелюбодейски искушён
и подвенечно непорочен.

Необратимое творя,
канонизируют пенаты
ниспровержение декабря
священнодейством циферблата.

Импровизирует пурга,
и, ностальгически вздыхая,
переливаются снега
высоковольтными стихами, —

где, желтизной воспалена,
всепонимающим молчаньем
аккомпанирует луна
сорокаградусной печали.

Борис Гребенщиков ответил однажды на обвинение в узости тем его песен, что пока существуют ночь, луна, звёзды, кто-нибудь будет продолжать писать про ночь, луну и звёзды. И это будут его ночь, луна и звёзды.

*Я пишу эти песни в конце декабря,
Голый, в снегу, при свете полной луны.
Но если ты меня слышишь, наверное это не зря.*

Филипп Пираев ничего новое не рассказывает, но сама манера речи позволяем сесть с ним рядом, откинуться на спинку заснеженной скамейки и протянуть мутный стакан. Даже если ты давным-давно не пьёшь. Сегодня и с ним – можно.

Артём РОДЬКИН (Казань – Набережные Челны)

Род. в Набережных Челнах в 1988 г. Окончил Камскую гос. инженерно-экономическую академию (ИНЭКА), работает программистом. Дебютировал как поэт на Аксёнов-фесте (2013).

Бумажный человек

Есть летучая мышь, и паук, и железный...
Я – бумажный герой, находящийся вне
их рядов – не убивший, не спасший (ну если
только острой бумагой не резали вен).

В каждой стопке листков, перемятой поэме,
в розоватом рулоне, и пачке пэлл мэлл
я растерзан, замаран, убит вами всеми.
Как источник познаний и сумма проблем

я терплю, всё терплю, понимаю... прощаю.
Напиши обо мне и на мне, загибай,
разрывай, издавай, продавай – для начала.
Прошептав неизбывно-сакральное «Die,

die, my darling» для каждой странички и фразы
откажись от творения в пользу огня,
погружайся в сомнение, гордость и стазис –
инквизитор внутри не закончит обряд

вплоть до самых последних мгновений трансформы
в пепел самых загадочных искренних слов.
Лишь тогда худо-бедно по вектору «форвард»
изнутри что-то дёрнется. Мягко и зло

новый гений меня истерзает до мрака,
новый космос прорвётся в строку и пробел.
даже если он сдохнет в тюремном бараке –
мне придётся нести то, что он не сумел.

Когнитивный диссонанс в поэтическом тексте чаще работает в минус. Поэзия как послушная дочь музыки (определение Моцарта) предпочитает центрированную гармонию. Стихотворение собирает мир. Текст Артёма Родькина работает на разрыв. Поскольку «бумажный человек» для русского слуха – это персонаж Булата Шалвовича:

*Один солдат, на свете жил.
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был,
Ведь был солдат бумажный.*

*Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел,
Ведь был солдат бумажный.*

«Души прекрасные порывы» – и полное отсутствие мяса. А в стихах Артёма мяса достаточно: грудная клетка взлетает, кузнечные меха лёгких работают... И нет ничего бумажного в бегущем по ночному городу пацане. Разве только представления о жизни. Надо погибнуть во цвете лет (от переизбытка жизни). Только бы придумать: «Ради чего?» Бумага всё объясняет. С бумаги жить проще. От роли к роли, от сказки к сказке. Не совпадает песенка с живым телом. Вот и додумываешь, накручиваешь, выматываешь сам себе душу... Чтобы все смутные сомнения оправдались, чтобы все детские кошмары воплотились.

Анна РУСС

Российский поэт. Училась в Казанском университете, затем в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журналах «Арион», «Континент», «Новое литературное обозрение» и др. Лауреат премии «Дебют», «Звёздный билет», «Триумф». Победитель Большого слэма (2007) и Всероссийского Слэма в Перми на фестивале SlovaNova (2011).

* * *

Лицом к лицу вокруг не увидеть
Давай мы станем тихо увядать
Не делать ничего для райских кущей
А лишь собой для истины текущей
Целее стать
Не унижать себя до трали-вали
И строй держать по четкой калевале
И отрастить, чего там оторвали
Усвоив опыт курочки рябой
Учить себя дарить, не отвлекая
И отходить едва ли отвыкая
Ты умер бы, когда б узнал какая
Работа происходит над тобой

Прочитал стихотворение Анны Русс и подумал, что оно встроено в литературу так, словно изначально там было. И эхом ей отвечает из 1913 года тёзка:

*О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.*

*Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.*

*Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои, –*

*Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.*

Очень удобно вешать ярлыки: «вторая Ахматова», «второй Рубцов». Таких вторых, что бактерий. И в классику входят, не сближаясь с привычным, а отклоняясь. Вроде бы всё то же самое, но выход другой. И не сразу понимает читатель, что лирический герой Анны себе не принадлежит, что она – инструмент: скальпель или бормашина для работы над душой возлюбленного. Ахматова – не об этом. Об этом – Русс.

Рустем САБИРОВ

Родился в Казани в 1951 году. Член СП. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии имени Гавриила Державина.

Звук

Звук обегает пространство много быстрее, чем свет,
Он не путает ночь и день и не вязнет в кронах растений.
У звука есть долгая память, у света памяти нет.
А только чередование оттенков света и тени.

Звук оттесняет зренье, как сновиденье слепца,
Звук имеет свой облик, выверен и очерчен.
Шорох дождя по стеклу напоминает мне голос отца,
Скрип половиц за стеной говорят, что я жив и смертен.

Всплеск отдалённых рыб похож на женскую грудь,
Ласковый шёпот во тьме – на свечение подтаявших льдинок.
Крик улетающих птиц походит на Млечный путь
Звук одинокой трубы – на грустный глаз лошадиный.

Звуки живут во мне,
Звонкой прорехой в стене.

По восприятию информации люди делятся на визуалов, аудиалов и кинестетиков. Чистых типов не бывает, но акцент ощутим. Особенно у поэтов. Александр Ерёменко однажды написал речь визуала:

*Как замеряют рост идущим на войну,
как ходит взад-вперёд рейсшина параллельно,
так этот длинный взгляд, приделанный к окну,
поддерживает мир по принципу кронштейна.*

Рустем Сабиров ответил речью аудиала. Звук для Рустема способен создать отдельный мир, по которому можно передвигаться физически. Так в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» главный герой Жан-Батист Гренуй в своём представлении летает над рельефом из запахов. Русские стихи вообще держатся звуком, они родственны именно пению. Однажды я дал своё определение поэзии: «Сухое пение, записанное буквами». Вот Рустем и подбирает для нот смысловые аналоги, вводит тремоло и стаккато внутрь строки.

Кинестетическую речь пусть каждый читающий этот сборник напишет сам. Это такое домашнее задание. Чтобы порадоваться.

Рамиль САРЧИН

Поэт, литературный критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Член СРП, Союза писателей РТ. Автор книг стихов: «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011), монографий и литературных статей. Публикации в журналах: «Наш современник», «Дружба народов», «Зинзивер», «Иные берега», «Аргатак-Татарстан», «Казань», «Идель» и др. Лауреат многочисленных премий. Обладатель гранта «Учитель-исследователь» Министерства образования и науки РТ (Казань, 2012).

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиной моей.

День как добро:
Чем больше, тем светлее.
И ночи тоже землю серебрят.
Подставь ведро
Под звёзды Водолея,
Ведь звёздами поэты говорят!

Удивительно поэтическое высказывание: по смыслу отдельных слов сказано одно, а по смыслу текста – совсем другое. Через отрицание – принятие. Таков Георгий Иванов:

*Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.*

*Только жёлтая заря,
Только звёзды ледяные,
Только миллионы лет.*

*Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,*

*Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.*

Предельное состояние боли. Предельное состояние надежды, что Бог есть и всё исправится. Так и у Рамиля Сарчина со смертью близкого человека земля не исчезла из-под ног, а напротив, обрела Душу, стала собеседником и хранительницей. По словам разобрать – сказал о смерти, а подумать – поверил в бессмертие.

Константин СТРУКОВ

Родился в 1975 г. Поэт нравственного глянца и душевного гламура. Любит поэтические ристалища, когда выступающих шатает от избытка адреналина, а зал под напряжением искрит скрытыми и явными симпатиями и антипатиями – именно поэтому сам мал мала организовал Велимир-слэм, в рамках международного Хлебниковского фестиваля в Казани, и при поддержке музея современного искусства Эрарта в Санкт-Петербурге Поэтическую Лигу.

* * *

Кто-то ходит в погасшем троллейбусе,
кто-то смотрит неслышно в окно –
в этом межгалактическом ребусе
нам ответа узнать не дано:
почему, когда мерзко и холодно,
когда дождь надоел уже всем,
все трамваи идут не в ту сторону,
а автобусов нету совсем!?

У Струкова жена красавица,
ему заботы трын-трава,
без дела шляется, катается –
Санкт-Петербург, Казань, Москва

Он свой с котами и собаками,
живёт себе, не знает бед,
завёл тетрадку, в ней каракули –
поэт!

Однажды Николай Глазков написал «Руководство для начинающих гениев»:

1. Гений обязательно знает, что он гений, и не скрывает этого от окружающих.
2. Гений обязательно высказывает небывалые, на первый взгляд безумные, мысли.
3. Для гения основная радость жизни состоит в его собственной гениальности.
4. Гений обязательно не признаётся огромным большинством своих современников, ибо они до него не доросли. Однако потомки охотно признают всех гениев.
5. Гений поражает толпу не только огромным богатством своего внутреннего мира, но и своим внешним обликом.
6. Гений должен иметь вокруг себя некоторое количество соратников и последователей, которые составляют промежуточное звено между гением и толпой.
7. Если гения признают не за его гениальность, а за что-либо другое, то гений не должен роптать: такова его судьба! И на том спасибо!!!

Первое впечатление от стихотворений Константина Струкова, что он буквально выучил это руководство наизусть и старательно ему следует. Но всегда есть второе впечатление. А второе впечатление говорит, что у автора отличное чувство юмора и азарт игрока. И тогда хохочешь в полный голос, прихлопывая по странице ладонью: весь комический эффект может содержаться в усечённой строке, меняющей интонацию, или неожиданно применённой разговорной форме «ударного» слова.

Рашид ТУХВАТУЛЛИН

Родился в 1954 г. Закончил физический факультет Казанского университета. Работал научным сотрудником, преподавателем в вузе. Сейчас – свободный художник. Посещал литобъединение «Арс». Стихи пишет редко, но иногда это всё же случается.

* * *

Этот путь куда надо. Чем надо и выстлан.
Понимаю: банально. Найди посвежей
Среди истин, не больше заряженных смыслом,
Чем граффити на ржавых боках гаражей.

Это время. Оно нашинковано мелко
На простые отрезки минут и секунд.
В колесе циферблата как белка иль стрелка
Покрутившись по кругу, ложишься на грунт.

Всем хорош этот мир, но немножко мошенник.
Улыбнётся для виду, а линию гнёт.
Всякий раз, на тебя примеряя ошейник,
И по морде потреплет, и чуть подмигнёт.

Еле слышно песчинки струятся сквозь пальцы,
Вызывая щекотку. А то и ожог.
Аккуратно натянуты будни на пальцы,
И игла за стежком вышивает стежок.

Растворится вращение в хаосе мерном,
Так и хочется грустно вздохнуть: се ля ви...
Эту жизнь невозможно закончить экстерном.
Ну и нечего умничать. Можешь – живи.

Стихи ничему не учат. Это в прозе писатель старательно пытается навязать свой способ мышления читателю. Поэт работает способом чувствования мира. Стихи проводят читателя через испытанное поэтом, а уж выводы сделать или не сделать – его дело. И нравоучение в финале стихотворения Рашида Тухватуллина не является нравоучением, это указатель, вектор смены состояний. Так у Бориса Леонидовича:

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.*

Ржавчина на пальцах, обожжённая одежда, расцарапанное лицо. Все живём дальше. Никто не один.

Эдуард УЧАРОВ

Родился в 1978 г. Недействующий юрист. Член редколлегии журнала «Казанский альманах». Публикации в «Дружбе Народов», «Новой Юности», «День и Ночь», «Современной Поэзии», «Дети Ра», и т.д. Победитель Турнира Поэтов Литературной Универсиады в Казани 2013. Стихи переведены на сербский язык.

Синий спирт чудес небесных...

В леса вонзишь тугое тело
по рукоять аршинных плеч,
а что ещё душе поделать –
какую речь со дна извлечь?

Когда по полю плавной Волги
насеешь зёрна взмахов рук,
ты – знак вопроса долгий-долгий
и восклицательный испуг.

Какие чёртовы сомненья
вновь губы словом обожгут,
и пустозвонные томленья
на гордом горле стянут жгут?

Какую смерть найдёшь в овраге
за тридцать семь пылавших лет,
чей золотистый привкус браги
в селе клубит навеселе.

И синий спирт чудес небесных
вольготно пьётся на Руси –
его закусывают песней,
а звёзды нечем закусить...

Эдуарду Учарову хотелось бы слагать былины. Может, даже исполнять их с гуслями на коленях. Или стоять скандинавским бардом на вершине горы и шептать виру* проклятия, держась за еловый посох, с насаженным на него лошадиным черепом. Но Эдуард – ребёнок не былинного времени. Потому-то и создаётся его (не подменяющая, а надстроенная) вторая реальность, в которой находится место многим. Живут не литературой. Живут внутри литературы. Разница та же, как жить морем и жить в море. Пишущие – двуякодышащие, прибрежные, уползающие обратно под воду. А эпос может быть и коротким. Вот у Велимира:

*Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.*

И гражданская война вокруг. Так что дай, Господь, прожить Эдуарду Учарову и его близким без эпоса.

* Вира – это поэтическая форма, чаще всего воспринималась как заклинательная. Разновидность «рун», которыми записана «Калевала».

Инесса ФА (ФАХРУТДИНОВА)

Родилась и живёт в Казани, архитектор, преподаёт в Институте архитектуры и дизайна КГАСУ. Лауреат фестиваля им. В. Тушиновой «Галактика любви» (Казань, 2013 г.) Публиковалась в различных коллективных сборниках.

Наша Осень

Дождь
 марширует по мостовой,
Сопрягая
 площадное с лоском.
Штыками
 дырявленный
 неба шатёр
На улице
 Маяковского.

Ветер
 прощупывает углы
Ресторана
 «Жёлтая кофта».
Конечно, я знаю,
 предрешены,
Просчитаны
 дни софтом.

Ночь, маскируй
 пожелтевший лист,
Плачь по нашей
 никчемности, туча!
Контент мой
 ноябрьским
 блюзом завис,
Разлукою
 нас измучив.

Мне никогда не полюбить стихов
Владимира Владимировича:

*Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой праздничной чистке,
я дарю вам стихи, весёлые, как би-ба-бо
и острые и нужные, как зубочистки!*

*Женщины, любящие моё мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, –
я цветами нашью их мне на кофту фата!*

У меня возникает ощущение, что я пью газировку, от которой обязательно будет изжога. Но газированная вода – полноценный элемент пищевой культуры. Исчезли с улиц металлические гробы разливочных автоматов, зато прилавки заполнили пластиковые снаряды с шипящим содержанием. Так и акцентный стих под Маяковского (встречается ещё/уже у Александра Сергеевича) никуда не денется. Просто каждый раз ждёшь, что вывернется как-то по-изящному, в другую сторону. И у Инессы Фа эта разболтанная ритмовка неожиданно дала интересный музыкальный эффект: появилось два барабана, перебивающих друг друга. Барабан верхнего мира, лупящий каплями по земле, и маленький барабанчик Гюнтера Грасса, упрямо ведущий собственный мотив. «Блюзы», «софты», «шатры» – шелуха. Музыка первична. Стихотворение существует звуком. Закрываешь глаза, и видишь ночь, дождь, фонари и гордого ребёнка с жестяной игрушкой.

Леонид ХОТИНОК

Школа № 131, радиофак КАИ, филфак КГУ. Работал
коммивояжером, инженером, в общем, не интересно.

* * *

Смотреть в окно на маленькую даль
двора пересекаемую птицей
перевести глаза на табурет
и своему колену изумиться

так это – то? шесть тысяч лет назад
я был разбужен этим удивленьем
и лунным обитателем зигот
перемещал проснувшееся время

так это я? и там у гаражей
всё тень моя идёт когда желаю
рассеяться последнею пургой
среди домов и ветреного лая

она идёт и смотрит на окно
и видит тень в желтеющем обводе
и видит шкаф и люстру и цветы
но никого под люстрой не находит.

У Альфреда де Мюссе есть стихотворение «Декабрьская ночь», гениально переведённое Владимиром Владимировичем Набоковым, ставшее полноценным сокровищем русской литературы. Оно кончается такими строками:

*Я не Бог и не демон крылатый;
но ты дал мне название брата,
и название это верней.
Где ты будешь, там буду я рядом
до последнего дня – когда сяду
я на камень могилы твоей.*

*Небо сердце твоё мне вручило.
Я хочу, чтоб ко мне приходила
без боязни кручина твоя.
Я с тобой не расстанусь. Но помни,
прикоснуться к тебе не дано мне:
о мой друг, одиночество я.*

Насквозь пропитанное аллюзиями на Бродского, тем не менее, текст Леонида Хотинка ближе к Набокову, к его «комнатам», из которых человек не выходит, а исчезает: «Но никакого Александра Ивановича не было».

Евгений ЧЕПЕЛЕВ

Родился в сентябре 1971 года, в Казани. Актёрствовал. Промышленный альпинист. Движим автор светом звезды БЕЗУМНОГО ШЕСТВИЯ ПИЛИГРИМОВ ПОД БЕСПРИМЕРНЫМ НЕБОМ ВЫСШЕЙ БЕЗУЧАСТНОСТИ. Шатрует на ярмарке ДУРАКОВ КАЛИ. Отражается как БЛАГОРОД ЧАСОВЕН.

ВОЛНГУЛ

Углы камней босому – угли.
Немоготу танцуешь.
Шевелишься, упасть страшась.
Вот декаданс-дункан-додекаэдр
И додаизм, и сумрачный Кандинский.
Структуришь воздух, яко Строс,
И хлебникуешь, чтобы в масть не мат.
Потом, добравшись до песочка,
Такой Монэ-Руссо и Пушкин,
Так аллилуйешь отдых,
Что Брук, с его часов издержкой
Не кажется чрезмерным,
А, прям по Джойсу, в самый раз.
Увы нам, босым, средь камней.
Но память о страданьи призывает
Вновь пересечь непроходимость,
Где в странном танце оживает тело.
И в этот раз глаза ты закрываешь,
И вот уже летишь, углов не замечая.
Боль опыта, возможно, окрыляет?

Евгений Чепелев пытается вывернуть историю языка наизнанку, словно весь имеющийся словесный и культурный багаж можно взять и свести в законы заговора, ведовства, до-речи. Слова у него становятся мягкие, почти пластилиновые, они меняют формы и липнут друг к другу. Появляется что-то новое. В массе своей, вероятно, пугающее. Однако понимание и созвучие находится всегда не там, где мы предполагаем. Вот сугубо православный поэт Андрей Санников:

*... Я не люблю – о ремесле. Но две
пугающие совпаденьем строчки
скорее говорят не о судьбе,
а говорят о медленной отсрочке.*

*Обилен Бог, а на миру – страшной.
Заглянешь в этот вытянутый воздух –
щепа на птичьих крыльях у теней,
летающих парой, но как будто – порознь.*

*Когда на небо смотришь, то глаза
его почти не видят – будто лопасть
проносится – а разглядеть нельзя –
и помнишь только тесноту и лёгкость.*

Знакомое гудение? Знакомый морозный воздух. Та же самая природа. Те же берега рек. Вот и на последних шести строчках Евгения Чепелева так и хочется взлететь на собственном дыхании.

Елена ЧЕСНОКОВА

Родилась в 1991 году, получила высшее историческое образование, работает журналистом. Мечтает об искусственном увеличении памяти и жизни в мягком климате.

* * *

Ёрзаешь-возишься в кресле
Скрип. Потом щёлкнуло и тишина
Как относиться к звукам, если
О них никогда не писала «Афиша-Волна»?
Клейстером утро мажется
Гадость глотай без сахара на воде
В миске со сколом кашица
Серая склизкая не такая
Как на «Афише-Еде»

Свет отключили на небе,
Го набивать черничные синяки
На безглютеновом хлебе
Дни наши будут безвредны, но нележки
Дезориентирован, спутан
Верил бы всем, но не можешь быстрее читать
Думаешь – «если бы я там... ну там...
Сам бы решал», но совсем не хочешь решать

Десять причин, по которым
Восемь неочевидностей про ГЛОНАСС
Список цитат из Торы,
Где можно узнать о главном, но не сейчас

Боже спасибо тем, кто
Моет песок и драгмету даёт сиять
Выбери мне три пункта
Всыпь их в овсянку и принеси в кровать

При чтении стихотворения Елены Чесноковой я начинаю слышать битловскую песню:

О, приятель! – сегодня я прочёл в газете
О счастливчике, который прославился и разбогател.
И, несмотря на то, что новости были неважные,
Я был не в силах сдержать смех...
Там была фотография –
Ему вышибло мозги во время поездки на автомобиле:
Он не заметил, что свет сменился с красного на зелёный.
Уличные зеваки столпились возле него:
Кто бы это был, интересно?
Лицо незнакомое...
А не из Палаты ли Лордов он?..
О, приятель! – Я видел сегодня фильм:
Британская армия только что выиграла войну.
Толпа зевак отвернулась, –
А я был вынужден смотреть...

И английская овсянка в финале вполне уместна.
Существует поэзия, которую не надо осмысливать, её надо
трогать, нюхать, прикасаться ладонью, кончиком языка.
Елена Чеснокова пишет именно такие стихи.

Игорь ШИРШОВ

Родился 21-го июня 1967 года, в самые длинные дни и короткие ночи. Увлекается фотографией и видео. Любитель пеших прогулок в центре по старой не парадной части Казани. Он же мелкий кузнечик в высокой траве в ожидании первого снега.

* * *

Кубики, кубики, кубики слов,
воздушные шарики смыслов,
обтёсывая, перекатывая неровные грани во рту –
не нравится – выплюнул,
набирай подходящие новые.
как рыба, хватаешь воду,
в среде пузырьков кислорода,
выныривая на мгновение
навстречу бело жёлтому кругу вверху
выпускаешь невидимых птиц
и снова вниз,
иногда надолго,
однажды потом навсегда,
улыбаться невидимым и незнакомым,
пока не встретишь своих.
сегодня с утра дождь – точно такой, каким начинается Осень.

Образ мира, состоящего из прямоугольных деталек лего, у Игоря Ширшова надо читать не как описание игры, а как описание не-игры, хронического невеселья, с которым необходимо немедленно что-то сделать. Например, привязать воздушные шарики к порезавшей лапу кошке:

*Несчастливая кошка порезала лапу –
Сидит, и ни шагу не может ступить.
Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу
Воздушные шарики надо купить!*

*И сразу столпился народ на дороге –
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.
А кошка отчасти идёт по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!*

Даниил Хармс понимал «распад атома», но продолжал улыбаться. Улыбаться получается и у Игоря Ширшова. Получается улыбаться в ответ Игорю и мне. Попробуйте: вдруг, и у вас получится.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Диктор, к сожалению, не врёт

Иногда, а сказать по правде, так очень часто, литературные и вообще акции происходят по методу, описанному Грибоедовым: «Шёл в комнату, попал в другую». В случае удачи, комната, куда автор некоего проекта попал, оказывается интересней той, куда он собирался прийти. Похоже, со сборником «Казанский объектив» вышло именно так.

Эдуард Учаров собирался ведь, как он написал в предисловии, «сделать мгновенный поэтический снимок литературной Казани». А получился очень точный оттиск российской поэзии образца лета-осени 2015 г. Скажем честно: так могло произойти в очень немногих городах. Столицы всё-таки слишком масштабны и литературно разнообразны. Вологда, где концентрация действующих авторов удивительно велика, напротив, локальна. В Екатеринбурге, Перми или Челябинске неизбежны расхождения между теми, кто относит себя к «Уральской поэтической школе» и теми, кто активно против. Казань же в некотором смысле оптимальна в качестве зеркала. Вроде бы центральный, крупный город, а в то же время география располагает, скорее, к созерцанию. Плюс глубокие университетские и образовательные традиции. Словом, абсолютное большинство поэтов, чьи тексты составили эту книгу, и в представлениях-то не слишком нуждаются.

Конечно, сказанное выше никак не умаляет заслуг Эдуарда. Молодец он. И мы снова его процитируем, чтоб немножко поспорить: «Комбинаторика, восточные формы, силлабо-тоника, верлибр – всему нашлось место. От классической просодии до авангардной поэзии, от только ещё пробующих свои силы авторов до настоящих старожилов казанской поэзии». С формальной точки зрения всё правильно, но при очень небольшой выдержке (в фотографическом смысле этого термина) глубина работы «Казанского объектива» получилась очень серьёзной. Город ведь удобнее фотографировать в

ландшафтном режиме, скажем, на горизонте минувшего десятилетия, а вот так, когда каждый автор предоставляет свежайшее из написанного им, когда срок собирания книги составляет пару недель, так снимок говорит чуть о другом. Не о месте, но скорей — о времени.

Вот смотрите: даже в самых колючих текстах сборника, в тех, где «метадон и гексоген», — та нотка, которую несколько лет назад называли «Новой искренностью» и соотносили с определённым литературным течением. А теперь нотка эта растеклась. Правда-правда: действительно ж вокруг стало печальней, холодней, беднее и опаснее. И так-то не самое яркое наше бытие сделалось ещё более сереньким. По этой ли причине, по иной ли, но люди очевидно стали друг на друга поглядывать внимательней. Тем более — поэты.

Беды ж разными бывают. Некоторые, как видим, отвлекают от мира внешнего. Тем более, мир, повторим, делается всё менее привлекательным. Дабы не разочароваться вовсе, остаётся этот мир одушевить, вочеловечить. Увидеть его так, чтоб газовый баллон, велосипед и кровать оказались чьими-то детьми. Ну, раз вы сборник прочли, то и знаете, чьими. А коли, как водится, начали с предисловий и послесловий, так узнаете. Оно того стоит. Теплее, опять-таки, станет. Зима-то ведь и в самом деле близко.

Андрей Пермяков,
российский поэт, литературный критик, прозаик

Содержание

Э.УЧАРОВ. От составителя	3
Альбина АБСАЛЯМОВА	4
Тимур АЛДОШИН	6
Рустем АУБАКИРОВ	8
Наиля АХУНОВА	10
Николай БЕЛЯЕВ	12
Айрат БИК-БУЛАТОВ	14
Лоренс БЛИНОВ	16
Галина БУЛАТОВА	18
Нури БУРНАШ	20
Елена БУРУНДУКОВСКАЯ	22
Борис ВАЙНЕР	24
Лилия ГАЗИЗОВА	26
Вадим ГЕРШАНОВ	28
Наиль ИШМУХАМЕТОВ	30
Евгений КАЛАШНИКОВ	32
Алёна КАРИМОВА	34
Алексей КИРИЛЛОВ	36
Ангелина КУЗЬМИНЫХ	38
Глеб МИХАЛЁВ	40
Анна НЕВА	42
Денис ОСОКИН	44
Алексей ОСТУДИН	46
Полина ПАНТЕЛЕЙМОНОВА	48
Филипп ПИРАЕВ	50
Артём РОДЬКИН	52
Анна РУСС	54
Рустем САБИРОВ	56
Рамиль САРЧИН	58
Константин СТРУКОВ	60
Рашид ТУХВАТУЛЛИН	62
Эдуард УЧАРОВ	64
Инесса ФА	66
Леонид ХОТИНОК	68
Евгений ЧЕПЕЛЕВ	70
Елена ЧЕШОКОВА	72
Игорь ШИРШОВ	74
А. ПЕРМЯКОВ. Диктор, к сожалению, не врёт	76

***Выражаем благодарность всем, кто оказал
посильную помощь в издании книги:***

Альбина Абсалямова
Айрат Бик-Булатов
Лилия Газизова
Максим Горностаев
Евгений Калашников
Алёна Каримова
Алексей Кириллов
Игорь Кузнецов (Набережные Челны)
Артём Родькин
Инесса Фахрутдинова
Галина Царькова (Тольятти)
Евгений Чепелев

***Эдуард Учаров, составитель
Галина Булатова, редактор***

Тираж 100 экз.